

Источник: Карачева Н. Н. Проза А. Яшина в контексте изучения языковой картины мира жителей Русского Севера : [на материале рассказа «Вологодская свадьба»] / Н. Н. Карачева // Лингвистика смотрит в будущее : сб. науч. ст. молодых исследователей / Вологод. гос. пед. ун-т. – Вологда, 2013. – Вып. 3. – С. 21–25.

Н.Н. Карачева

ПРОЗА А. ЯШИНА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ЖИТЕЛЕЙ РУССКОГО СЕВЕРА

Проблемы изучения языковой картины мира жителей Русского Севера относятся к числу актуальных проблем современной лингвистики (Колесов 1986; Герд 1995; Плешкова 2005; др.). Региональная картина мира, являясь частью общенациональной картины мира, вербализуется в речи жителей определенной местности, выделяющих определенные предметы и явления, выражающих их оценку, репрезентирующих типичные для региона действия. Т.А. Сироткина в своей работе «Этнонимы в региональной картине мира» относит к средствам языкового выражения этно-стереотипов употребление словосочетаний, обозначающих характерные предметы быта, одежды и т.д. «Татарские платки, русская баня, русский сарафан – все эти и многие другие сочетания терминологического характера являются устойчивыми и отражают реалии национального быта: *Платок у тебя как-то татарской; В русской бане бывал?; Сарафан у тебя чисто русский (д. Акчим)*» (Сироткина 2010). Е.А. Кириллова выделяет локальные черты, определяемые природными условиями, бытовыми и культурными традициями русского Севера. Эти особенности проявляются в системе чувственных и рациональных оценок, связанных с климатическими условиями (*размокропогодица, баралужина*), спецификой растительного и животного мира (*старокула, полугруздь*), местными условиями обработки земли (*дсльесека, новочисть*), типами жилых и хозяйственных построек (*полугобец, двоежильный*), особенностями изготовления домашней утвари (*полукомодник, полисад*), материалами домашнего производства (*троекрасный, толстопрядица*), одежды и обуви (*просторукаека, полувареток*), с эстетикой восприятия внешнего облика человека (*хрушкоглазый, рачеглазый*) и с традиционными этическими представлениями северного крестьянства (Кириллова 2008).

На материале текстов художественной литературы региональная картина мира может быть исследована в двух направлениях: во-первых, с целью реконструкции черт общерегиональной картины мира с преимущественно диалектной основой, а во-вторых, для выявления и описания индивидуально-авторской картины мира, обусловленной личностными переживаниями и эстетическими предпочтениями автора.

В данной статье делается попытка реконструкции региональной картины мира на материале рассказа А.Я. Яшина «Вологодская свадьба».

Александр Яковлевич Яшин (1913–1968) прошел большой путь в литературе и всегда был тесно связан с отчим краем, с родной деревней Блудново Никольского района Вологодской области. «Крестьянский сын Александр Яшин сам сформировал себя как личность, собственным трудом и волей», – писал о нем В. Солоухин. Он не только сформировал себя, но примером собственной жизни показал, насколько сложна и крепка связь искусства и времени. Жизнь страны и стремление правдиво отразить ее, вмешаться, помочь составляют основное содержание жизненной и эстетической программы А. Яшина.

А.Я. Яшин написал «Вологодскую свадьбу» 11 сентября 1962 года. Этот рассказ занимает особое место не только в творчестве писателя, но и в русской литературе 1960-х годов. Новизна произведения заключается в том, что в нем писатель ломает привычные представления современников о деревне той поры, и о пределах реализма и условности при создании характера героя.

В это же время были написаны такие произведения, как «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына, «Трудное счастье» С.В. Видулова, «Вокруг да около» Ф.А. Абрамова и «Поденка – век короткий» В.Ф. Тендрякова.

В критике «Вологодскую свадьбу» одинаково часто называют и очерком, и рассказом. Критик А. Михайлов относит произведение к жанру очерка, а А.С. Рулева, напротив, полагает, что «Вологодская свадьба» – это рассказ, для которого характерны наличие сюжета, стройность, продуманность композиции и разнообразие художественных образов (Рулева 1980).

Композиционно рассказ четко делится на несколько связанных между собою и, тем не менее, относительно самостоятельных частей и имеет кольцевую, замкнутую структуру, объединенную реальными действиями автора, его участием в самом сюжете рассказа.

Особый интерес представляет принцип повествования «Вологодской свадьбы». В прологе и эпилоге повествователь – реальное действующее лицо. В картинах свадьбы автор выступает в роли «летописца», который повествует о действиях других, хотя представляется возможным вычленить его отношение, интонацию. Именно в этом состоит субъективное, лирическое начало рассказа «Вологодская свадьба».

Действие рассказа происходит в течение двух дней. В первый день события разворачиваются в доме невесты, а на следующий день – в доме жениха.

Пролог – сцена на аэродроме, в которой автор описывает пассажиров самолета АН-2, «жителей вологодских и костромских деревень, хлеборобов и служащих». «Все очень буднично. Но именно эта будничность и волнует: авиация вошла в быт». С самого начала рассказа возникает ощущение причудливого соединения старого и нового. Герой-повествователь отправляется из Москвы в деревню Сушиново на свадьбу. Круглолицая, розовощекая невеста Галя и ее мать, Мария Герасимовна, готовятся к предстоящему событию, обсуждают все детали. Мария Герасимовна считает, что свадьбу нужно играть, соблюдая все тонкости свадебного обряда: выкуп, плач невесты, присутствие «причитальницы-плакальщицы» (с этой целью была приглашена Наталья Семеновна).

Жених, сваха, тысяцкий, дружка и все гости со стороны жениха приехали на самосвале. По традиции первый день свадьбы отмечают в доме жениха, а второй – в доме невесты, но из-за отсутствия транспорта «пришлось сделать все наоборот». «Любой пир – это, прежде всего, люди. Человеческие характеры легко и свободно раскрываются на пиру». Среди гостей можно выделить типично русских правдоискателей (Василий Прокопьевич), заурядных хвастунов («седой бородатый мужик» – охотник) и тех, кто просто молча пьет (Николай Иванович). Столкновение таких характеров и наполняет «Вологодскую свадьбу» острым жизненным содержанием, автор показывает проявление высокой народной активности. Именно в этом и состоит новое в крестьянском сознании. Высокой точки социального накала достигает столкновение правдоискателя Василия Прокопьевича с директором льнозавода («Ваши приемщики колхозы грабят»).

Женщины жалуются друг другу на судьбу, обсуждают последние новости. Среди женских образов рассказа особое место занимает Галя. Она застенчива и хозяйственна, горда и независима – все это рождает надежду, что Галя не повторит судьбу Груни и Тони, которые весь вечер свадьбы просидели в углу на кухне. Отличается Галя и от своей матери, сохранившей от старых времен страх перед мужем и уверенность в том, что жена должна беспрекословно ему подчиняться.

Накал страстей снижается. Подходит к концу свадьба в доме невесты. На другой день свадьба проходит в доме жениха, в деревне Грибаево. «И все было как в доме невесты, все повторялось».

Рассказ «Вологодская свадьба» построен на контрастах: с одной стороны, милая сердцу старина (с этой целью дается детальное описание свадебного обряда), с другой – обращаются к этой старине, к старинным обрядам поневоле, поскольку новое еще не дошло до далекой вологодской деревни начала 1960-х гг., когда нет ни кино, ни клуба, а «в молодости праздники необходимы!» Именно поэтому «свадьба для молодежи была чем-то вроде самодеятельного спектакля».

Рядом с острым социальным сюжетом есть в рассказе и лирическая мелодия. А.Я. Яшин заканчивает повествование в тихом, радостном и печальном настроении. Его глубоко радуют подарки, полученные от зем-

ляков – «берестяная солоница, колокольцы и воркуны на кожаном ошейнике». Остаются лишь вещи, символы, которые многое могут сказать о душе человека. Но хранить их, отзываться на них душевно надо – в этом повествователь убежден.

Таким образом, авторская идея произведения воплощается в трех направлениях: отражение старых обычаев на фоне новой деревни, социальная противоречивость современной провинции и поэтика места, любовь к родному краю.

Погружаясь в знакомые бытовые условия, подробно и любовно перечисляет А. Яшин все старые предметы: «рукотерник», «журавлиха», «суденка», «дерёбка», «рукомойник» и многие другие. Описывая родную стихию деревенской жизни, автор широко использует локализмы: «туесок», «спроворил», «порядился», «баская», «сугрёвушка», «ходики», «разговористой», «куть».

Мария Герасимовна, рассказывая о знакомстве Петра Петровича со своей дочерью, также использует локализмы: «заприметил», «углядел».

Для создания образа невесты, деревенской девушки из «очень работающего рода», автор обращается к тематическим локализмам: «недородная», «нерослая», «не стала пригляднее, осанистей, становитей», эпитетам: «круглолицая, розовощекая».

Отметим, что А. Яшин широко использует эпитеты на страницах рассказа. В качестве примеров можно привести следующие: «извечное трудолюбие», «цветастые открытки», «смазливые и нарумяненные личики», «кованый сундук», «домотканые половики», «озорные, разбитные, первые певички», «дородные двоицы», «допотопное оборудование», «высокий нестарушечий голос».

Говоря о традициях свадебного обряда, писатель использует этнографизмы: «дружка», «тысячкой», «жениховы гости».

Для описания картины, написанной местным зоотехником, по подобию В. М. Васнецова «Иван-Царевич на сером волке», А.Я. Яшин обращается к фольклоризмам. В качестве примера можно привести такие выражения, как «ненаглядная Елена Прекрасная», «дремучие леса», «дикивинные стволы деревьев», «страшилище мохнатое». Фольклоризмы присутствуют и в песне, которую исполняла Наталья Семеновна: «дивьей век коротается», «ретивое сердечко придрогнуло», «вё-ошная вода», «столбы-белодубы», «свекор невесту из синя моря вынесет, из темна леса выведет, и от ветру – застиньце, и от дождя – притульце, от людей – оборонушка», «мосты калиновы, переводы малиновы», у дружки «ноги лучинные да глаза заячинные».

Говоря об особенностях северной сельской свадьбы, А.Я. Яшин описывает многовековую традицию: «...Сладкие пироги на северных сельских свадьбах и других праздничных пирах обязательны. Сладкий пирог – белый, сдобный, круглый, величиной с решето, а то и больше. Сладкие пи-

роги на Севере такое же народное творчество, как резные наличники на окнах, петухи и коньки на крышах...».

Таким образом, А.Я. Яшин органично сочетает достоинства художественной прозы XX века с энциклопедическим знанием бытовой и духовной культуры крестьян Русского Севера. А. Яшин, как и другие писатели-деревенщики (В.И. Белов, В.Г. Распутин), очень сильно переживает за судьбу русской деревни и ее жителей, своих земляков. Именно поэтому в произведении «Вологодская свадьба» выражается точка зрения на происходящие события от лица просвещенного вологжанина.

Литература

Герд А.С. Введение в этнолингвистику. – СПб., 1995.

Кириллова Е.А. Структура сложных слов в современных вологодских говорах: дисс. ... канд. филол. наук. – Вологда, 2008.

Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – СПб., 1986.

Плешкова Т.Н. Особенности языковой ситуации Архангельского Севера и формирующие их факторы: дисс. ... докт. филол. наук. – Архангельск, 2005.

Рулева А.С. Александр Яшин. Личность. Поэт. Прозаик. – Л., 1980.

Сироткина Т.А. Этнонимия региона как этнокультурный феномен // Культура в зеркале языка и литературы. – Тамбов, 2010. – С. 199–202.

Яшин А.Я. Бобришный Угор. – Вологда; Никольск, 1998.